

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Зависимость исторического сознания от современности часто приводит к забвению символов прошлого. Словосочетание «культ личности» не исчезло после отставки Хрущева. Уйдя в полумгетальное состояние, символ вновь актуализировался с началом гласности и не изменил смысловой нагрузки до наших дней. Это говорит о многом. Реакции на доклад Хрущева, оказались настолько сильными, что целое поколение советской интеллигенции считало это событие фактом своей биографии. В некотором смысле у разоблачения «культа личности» и у «1937-го» схожая судьба. Год большого террора отложился в памяти и актуализировался вновь в 1956 году. Два противопоставляемых друг другу события приобрели качественное изменение и взаимозависимость. Именно в такой взаимной оппозиции эти символы и актуализировались в конце советской эпохи, когда в политической риторике активно использовались образы прошлого. Вернемся к проблеме, сформулированной в начале книги: насколько разрушительными оказались для советской системы процессы десталинизации и как они преломлялись в жизненном мире рядового советского гражданина?

Следует признать установленным фактом, что толчком к социальным изменениям после 1953 г. стали действия самой власти. В историографии подробно изучены перипетии политической борьбы после смерти Сталина. Их итогом, как известно, стало заключение своеобразной конвенции в среде высшей власти о неприменении методов террора. Добавим, что формирование нового контракта имело непереводимые последствия. Речь идет о спонтанном, а затем и осознанном прощании с тремя китами, на котором стояла советская система – сталинским мифом, перманентными кадровыми чистками и методами политической мобилизации масс.

Вспомним один тезис, уже давно ставший общим местом в социальных науках. Обществу возможно только в том случае, если между его представителями существуют некие преддоговорные, взаимно ожидаемые действия. В этом контексте легитимность власти в глазах населения можно понимать как частный случай общественной солидарности

сти. В эпоху позднего сталинизма функцию легитимации власти выполнял сталинский миф. Именно он обеспечивал устойчивость политической системы, одновременно являлся и способом властной претензии и стержнем жизненного мира советского человека. В сложившейся системе координат исчезало колоссальное противоречие между образами, живущими на киноэкранах и всеобщей нищетой населения. Мифы социализма и окружающего реального быта были асимметричны, и при этом находились в отношении дополнителности. Мифологизированное праздничное бытие доминировало над бытом, позволяя ему совершаться своим чередом. Кубанские казаки выражали реальность конкретных колхозников «в ее революционном развигии» – такой, какой она *в принципе* могла стать. Радостно поющие с экранов киноактеры могли указывать на возможность праздника если не сейчас, то скоро, если не здесь, то всюду. Внутри этого культурного кода осторожное приближение к действительности автоматически вело за собой культурный остракизм. Чуть более грязные шахтерские лица во второй серии «Большой жизни» действительно таили угрозу. На официальном языке подобная опасность номинировалась как «очернение действительности». Элементы праздника распространялись и на нижние этажи повседневности. Праздником трудящихся становились реальные или символические казни начальников и примкнувшей к ним интеллигенции. Репрессии снимали колоссальное напряжение, становились основанием для веры в высшую справедливость. Последняя была персонафицирована в фигуре вождя.

Тем временем затаившийся кровавый карнавал требовал крайнего напряжения сил. Продолжительность обречала его на рутинизацию, а, следовательно, уничтожала. Добавим, что в отличие от 1930-х гг. на этот раз система имела дело с посленоевым обществом. Поддерживать в состоянии мобилизации население, пережившее колоссальное перенапряжение становилось все более проблематичным. Эпоха позднего сталинизма была беспрецедентна по плотности политических акций и кампаний на единичу времени. Вряд ли это говорит об усилении власти, скорее, наоборот – свидетельствует о наметившейся проблеме неэффективности прежних политических инструментов. Аналогично

тично наркотической зависимости террор-праздник-карнавал требовал все большей частоты и разнообразия.

Эрозия системы не исчерпывалась культурными проблемами. В недрах сталинского общества наметились и социальные сдвиги, подтачивавшие в перспективе фундамент сталинизма. В первую очередь это касалось происходивших трансформаций в номенклатурной среде. Речь идет о советских «менеджерах среднего звена»: инженерах и директорах предприятий, служащих различных министерств и хозяйственных ведомств. Их роль резко возросла в годы войны. Десяти – пятнадцать лет отсутствия целевого террора оказались достаточно для институционального и культурного оформления новой генерации. Эта группа стала обитать на одном хозяйственном языке, состоящем из профессиональных и бюрократических терминов. На этом лингвистическом поле штурманы и механики корабля социализма получали возможность завоевания и закрепления своих статусных позиций. Это были новые практики, позволявшие делать карьеру, дистанцируясь от политики. Именно среди хозяйственников политический язык постепенно теряет прежние инструментальные функции, превращаясь в формальную презентационную технологию. Иными словами новая генерация спонтанно отчуждала сферу своей компетенции, т.е. – решение хозяйственных вопросов от политики. К началу 1950-х гг. их статус закрепляется и подтверждается сталинской системой образования. Фильм платного образования отделяет их детей от пролетариев, предоставляет возможность получить полное среднее, а затем и высшее образование. Позиции новой группы воспроизводятся в следующем поколении. Наметившееся отчуждение от политики в еще большей степени сказалось на детях. Их позиции оказались обеспечены родителями и подтверждены дипломом об окончании ВУЗа. Неслучайно, что именно в среде «золотой» молодежи впервые оформляются культурные формы, не имеющие никакого отношения к господствующей идеологии. Словесная структура советского общества несла в себе семена разрушения сталинского мифа и принципов функционирования номенклатуры.

Десталинизация трансформировала латентные культурные формы в господствующие дискурсы и практики. Преемники вождя оказались

речило окружающей реальности по причине того, что не имело к ней никакого отношения. Спустя четыре года те же партийцы при обсуждении директив к XX съезду требуют решить проблему нехватки ниток и стиральных машин. Желание смазать Маркса салом предreshило судьбу идеологическое проекта. Обещание построения коммунизма в течение жизни одного поколения в новых условиях становилось окончательным убийством утопии.

Существование жизненного мира на прежних основаниях становилось невозможным. Должно ли искусство отражать реальную жизнь? Или оно должно задавать образцы, к которым надо стремиться? Представляется, что за этим литературно – художественным спором стояло нечто большее, чем конфликт враждующих корпораций внутри творческой интеллигенции. Речь шла о болезненном формировании новых методов определения ситуаций, новом понимании социальной реальности. Писательский талант Василия Гроссмана достаточно ярко передал это состояние:

«Четвертого апреля Николай Андреевич разбудил утром жену, отчаянно крикнул:

– Маши! Врачи не виноваты! Маши, их пытали!

Государство признало свою страшную вину – признало, что к заключенным врачам применялись недозволённые методы на докторе. После первых минут счастья, светлой душевной легкости Николай Андреевич неожиданно ощутил какое-то незнакомое, впервые в жизни пришедшее мутное, томящее чувство...

В тот час, как божественно непогрешимое государство показало в своем преступлении, Николай Андреевич почувствовал его смертную земную плоть – у государства, как и у Сталина, были сердечные перебои, белок в моче.

Божественность, непогрешимость бессмертного государства, оказывается, не только подавляли человека, они и защищали его, утащали его немощь, отравывали ничтожество; государство перекладывало на свои железные плечи весь груз ответственности, освобождало людей от химёры совести.

не в силах управлять страной прежними методами. Со смертью Сталина репрессивный способ управления становился проблематичным. Физическая кончина вождя означала исчезновение фигуры, обладающей монопольным и легальным правом на осуществление террора. Инстинкт самосохранения заставлял участников политической борьбы отвергать канонические тексты прежней эпохи. Сомнительно, что преэмины Сталина имели четкий долговременный план борьбы друг с другом. В условиях формирования нового консенсуса происходил спонтанный отбор новых методов. Наследники вождя не хотели и не могли вернуться к прежнему дискурсу. Уже ликвидация Л.П. Берии демонстрировала не только страх перед возможным террором, но и неумение использовать стиль прежних обвинений. В тех условиях единственной альтернативой политическому языку сталинской эпохи становился язык генерации хозяйственников. Неизбежная при этом профанация политики разрушала фундамент сталинского мифа. Следующим шагом стала реабилитация жертв репрессий и десакрализация образа Сталина. Этот новый инструмент политической борьбы был выбран из рук Л.П. Берии и использован в полной мере на XX съезде. Последствия оказались неожиданными. Доклад Н.С. Хрущева означал финал очеловечивания сталинского образа. Десакрализация лишила святости пустующий трон. Попытки его занять отныне воспринимались как нелепые. Процесс реабилитации формировал и новые практики общения с властью. Без лишнего шума населению предоставили возможность быть не только объектом, но и субъектом взаимоотношений с бюрократической машиной.

Профанация, а затем и десакрализация политики привели былую структуру идеологии к ситуации «оверкиля». Прежде наличное знание советского человека больше напоминало полусферу планетария, в котором расположение звезд и их названия определялись властью. Вместо проекции далеких светил общества вдруг с удивлением, а часто и с раздражением обнаружилось отражение самих себя. Праздник, переместившись в будни, перестал таковым быть. Профанация верхнего политического мира разрушала основания символического универсума. Изучение рядовыми партийцами «Вопросов языкознания» не противо-

И Николай Андреевич почувствовал себя словно бы раздетым, словно бы тысяча чужих глаз смотрела на его голое тело. И самое неприятное, что и он стоял в толпе, смотрел на себя голого, вместе со всеми разглядывал свои по-бабы свисающие цыпки, матыи, раздвигавший от большой еды живот, жирные ливерные складки на боках.

Да, у Сталина оказались перебои и нитевидный тульс, государтство, оказывається, выделяло мочу, и Николай Андреевич оказался голым под своим коверкотовым костюмом¹.

Крах представлений о непогрешимости государства подрывал, таким образом, и основы идентичности советского человека.

Изменений в политической сфере оказалось достаточно для стремительно начавшейся трансформации общественной жизни. Основными векторами социальных изменений становится взаимная дифференциация сфер общественной жизни при общей тенденции к отчуждению от политики. Денолитизация все более отчетливо прослеживается в сфере трудовых отношений. Партийность как самостоятельный ресурс становится уже невозможной без образования и профессионализма. Вступление в партию отныне не в силах заменить или подменить профессиональную карьеру. Все чаще членство в КПСС становится либо формальным подтверждением профессионального признания, либо вспомогательным двигателем для дальнейшей карьеры. Происходит содержательное опустошение политических ритуалов. Партийные собрания все чаще приобретают вид производственных совещаний или характер внешних, предписанных презентаций.

Вторым сданным бастионом оказалась сфера жилья, семьи и досуговая. Смена политических паттернов сделало возможным реализацию жилищного вопроса. Допустив уход семьи и досуга в отдельные кварталы, власть потеряла контроль и над этой сферой. Прежний социальный контроль оказался применимым по отношению к населению бараков, но трудноосуществимым по отношению к жилью отдельной квартиры. Оформление сферы приватности имело далеко идущие последствия. В условиях формирующегося городского пространства появлялись

¹ Гроссман В. Все вечер. М. 1989. // http://d.theupload.info/download/rwdecsgrw15271uhitc6bunr5-4nrl1qv/grossman_vasilii_vse_techet.txt

новые каналы распространения информации, становилось возможным формирование новых культурных форм. Легкого приоткрывания занавеса в новых условиях оказалось достаточным для появления первой молодежной субкультуры в лице стиляг. Как бы то ни было, но спустя десять лет власть была вынуждена смириться с автономией культуры подрастающего поколения.

Было бы упрощением трактовать указанные процессы как линейные изменения. Трансформация советского общества была многовекторна и рассогласована. Изменение политической системы происходило в форме «протестантского» возвращения к истокам социализма. Новое конструирование фигуры Ленина могло до поры до времени усиливать социалистический проект посредством эмоций.

Новые основания для профессиональной идентичности могли не только усиливаться партийностью, но и вступать с последней в конфликт. Крах мифа неизбежно раскалывает целостную картину жизненного мира. Если ранее взаимоисключающие элементы могли мирно сосуществовать в чувственном единстве, то сейчас их совместное проживание становилось проблемным. Раскол жизненного мира имел своим последствием рост социального аутизма и шизофрении. Разрушение мифа рождало внутренние противоречия между профессионализмом и партийностью, между паттернами сознательного партия и обычного горожанина.

Стремительная урбанизация сопровождалась и рурализацией. В социальное пространство новых пятиэтажек причудливым образом переносились элементы сельской культуры. Между тем, власть стала свои главные бастионы если не окончательно, то бесповоротно. В советском обществе произошли тектонические сдвиги, сделавшие в перспективе невозможным функционирование социализма. Термидор, о котором так долго и решительно предупреждали оппозиционеры 1920-х гг. свершился. Опасность, впрочем, находилась не там, где ее видели «левые». Контрреволюция развернулась, прежде всего, в неполитических сферах, а потому и осталась незамеченной властью.